

ИМЕНЕМ БРАТВЫ

Евгений Владимирович Вышенков
Именем братвы.
Происхождение гангстера
от спортсмена, или 30
лет со смерти СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68403575

*Именем братвы: происхождение гангстера от спортсмена, или 30 лет
со смерти СССР:
ISBN 978-5-17-148203-9*

Аннотация

С 1991 года выросло новое поколение. Обсуждая девяностые, молодые люди предсказуемо мыслят штампами. Автор и его собеседники были частью того мощнейшего движения советских спортсменов, которое надолго подмяло под себя власть на улицах. Свирепый опыт дает нам право осмыслить те вулканические и кровавые процессы. У выживших есть что предъявить и себе, и времени. Они до сих пор готовы к конфликту. Этим текстом Братва забивает вам стрелу. Смелее. Евгений Вышенков, как тогда говорили, «подержит вам спину» — постоит на вашей стороне.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Краткая периодизация истории братвы	5
Ленинграда-Петербурга	
30 лет с рождения новой нации	6
До эры братвы	18
Античность	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Евгений Владимирович
Вышенков
Именем братвы:
происхождение гангстера
от спортсмена, или
30 лет со смерти СССР**

© Е. В. Вышенков, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

С 1991 года выросло новое поколение. Обсуждая девяностые, молодые люди говорят штампами. Автор и его собеседники были частью того мощнейшего движения советских спортсменов, которое надолго подмяло под себя власть на улицах. Свирепый опыт дает нам право осмыслить те вулканические и кровавые процессы. У выживших есть что предьявить и себе, и времени. Они до сих пор готовы к конфликту.

ЭТИМ ТЕКСТОМ БРАТВА ЗАБИВАЕТ ВАМ СТРЕЛУ.

Краткая периодизация истории братвы Ленинграда-Петербурга

КРАТКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ БРАТВЫ ЛЕНИНГРАДА-ПЕТЕРБУРГА

О Б И Д А

с конца 70-х годов

у легионеров от спорта формируется обидка на советскую власть — в обществе стали больше уважать не героев, а официантов и спекулянтов

В О Р О Т А

с начала 80-х

мастера спорта по боксу и борьбе массово устраиваются швейцарами в рестораны и бары города — так рождается мир «воротчиков»

С Е Т Ь

к перестройке

они превращаются в невидимую сплоченную систему — себя именуют «движением»

Р А С К О Л

в 1988 году

между ними льется первая кровь — бывшие спортсмены навсегда разделяются на два преступных клана

З А Х В А Т

с 1991 года

братва подмала под себя власть на улицах

В О Й Н А

к 1993 году

начинается внутривидовая резня — все против всех

Б Е З У М И Е

к 1999 году

самоистребление достигло 80 процентов личного состава — выжившие оломинились

Г И М Н

в нулевые

становятся ярыми патриотами России — они вернулись в свою славную юность, поменяв коммунистическую идею на православие, и превратились в столь же преданных власти преторианцев, как при СССР

30 лет с рождения новой нации

ПОДНИМИТЕ РУКИ, КОМУ 30 ЛЕТ

Вам принадлежит мир третьего десятилетия XXI века. В 1991 году многие только родились вместе с буржуазной революцией. А тем, кто стал героями того времени, в тот год как раз исполнилось примерно по тридцать. Когда сегоднешний активный россиянин лишь учился ходить, а бабушка рассказывала ему сказки о драконах, чудища уже кружили над его домом.

К 2000 году подавляющее большинство чудищ догрызли друг друга и торжественно залегли на кладбища. Выжившие легализовались и слились с ландшафтом, а прошлое превратилось в небылицы. И тут к увернувшейся от смерти братве вернулась память.

Братва канонизировала свою славную советскую спортивную юность и искренне встала в строй православного патриотизма. Но между их светлой молодостью и пенсионными накоплениями – пробел. Ветераны мафии свели из своего сознания тот лютый период как наколку, а до вас ревущие 90-е доносятся в жанре фэнтези.

Текст дает моральное право объяснить, как так вышло,

что воспитанное коммунистической моралью братство чемпионов незаметно мутировало, а потом внезапно возглавило могущественные кланы серийных убийц. Концептуальным же остается вопрос – почему, имея все конкурентные преимущества, организованная преступность не взяла власть в стране.

Это история о происхождении головореза из мастера спорта и об обратном обращении гангстера в верноподданного трону. Автор ушел от профессионального рвения историков к официальным источникам, но воспоминания сварены в документальной среде. Данное осмысление рождено братвой и очевидным образом отражает ее опыт.

Петербург, 90-е, после стрелы

Петербург, 90-е, после стрелы

Мои собеседники, да и я сам, имели прямое отношение к тому извержению темной энергии, что закалила новую нацию. Получился своего рода петербургский бандитский текст, но он не вылезает за рамки улицы. Иначе бы книга так вспухла, что ее просто неудобно стало бы держать в руках.

Братва – ни в коем случае не зеркальное отображение 90-х. Тогда везде, от искусства до политики, шли вулканические процессы. Братва – это воплощение внутренней сущности той эпохи, ее революционный авангард. Пионеры не мыслили категориями о рукоплескании будущих поколений, а по факту достучались до них.

Мир сложен. Отношение к становлению новой России должно быть глубже вульгарного перечисления условностей – «бандит», «беспредел», «лихие 90-е». Мы даем шанс стать судьями по вопросам, находящимся за пределами закона.

Добро пожаловать в усопшее логово драконов. Оттуда до сих пор немного тянет погребом, поэтому спорьте тихо, не размахивайте руками, а то разбудите.

ДАЙТЕ МОЛОКА НАПОЛЕОНАМ

Отбор материала не случаен. Так как в 1991 году братва не на парашютах рухнула на Ленинград, то хронология событий затрагивает ее становление, а уже потом и исчезновение к 1999 году.

При отборе интервью автор склонял своих знакомых и товарищей к искренности, придирчиво отбирая наиболее говорящие ощущения. Добивался объективного осмысления через призывы отойти от прошлых заноз, не позволяющих ослабленно оценить прошедшее. С одним даже довелось, ко всеобщему изумлению, обняться, хотя мы шли на встречу друг с другом не без булыжника за душой. Наконец информация о том, что и зачем я ищу, растеклась по улице, и как-то ко мне домой без спроса заявила группа в дорогих мужских аксессуарах. Не открыть калитку мне не позволяло воспитание.

Отворив, я услышал очень опасное когда-то в своем подтексте: «А мы знали, что ты здесь».

Я предложил что-нибудь выпить, но они умышленно попросили молока.

Пытаюсь гнать прошлое, но оно меня грызет как собаки.

Владимир Кумарин, 2020 год. «Кресты». Из моего с ним долгого разговора

СЧИТАТЬ НАДО ТАК

Берем период с 1991 по 1999 год – надо же ставить исторические рамки. На публицистический взгляд, в Питере стреляли каждый день точно, но убивали не каждый. Убивали по-разному.

Зараз положили из автоматов десятерых из Чечни. Приехавшие с войны таджики угробили зараз семерых из Мордовии. Сводки милиции дают многое, но не всё видят. Там, например, не указывают причин, по которым пропали люди, значащиеся в графе «без вести пропавшие», тем более что о многих бесследно канувших никто никому не докладывал.

Для начала взглянем на порядок этих сгинувших. Компьютеры МВД подсчитали, что с 1991 по 1999 год в Петербурге бесследно ухнуло 852 человека. Но это те, родственники которых заявили, а органы официально зарегистрировали. Если учесть неразбериху в учетах и безразличие милиции к записям в протоколах – «уехал на встречу и не вернулся», то множить надо на два. То есть 1700 человек минимум. И это без обнаружения неопознанных трупов.

Трупов же таких было под тысячу. Как не опознали 90 процентов из них, так до сих пор какие-то бумажки спрессованы в архивах. Так что широкими мазками можно без преувеличения дать среднестатистическое – 2700 тел. Это пропавшие и неопознанные.

Убито же пулями и прочим было 768 человек. В основном, конечно, свинцом. Складываем, выходит, что за 8 лет, с 91-го по 99-й, братвы и дельцов полегло около 3500 человек.

Анализ таблиц чуть помог в уточнении – сюда помещается процентов десять бытовухи. Но огульно все равно – 3000. Умножая годы на 365 дней, открываем занавес: один день –

один труп. Но это прямые потери.

На войне есть графа – раненые, многие из которых гибнут по пути в госпиталь и на руках у медиков. В данном случае сумасшедший урон нанесен наркотиками. Смело прибавляем тот же масштаб. Итого: в 90-е годы спортсмены и примкнувшие к ним истребили друг друга числом тысяч в шесть.

Государство же в виде своих органов физически не убило никого. Ну, может быть, парочку зацепило, и то случайно. Особенность петербургской охоты была в том, что той полицейской перестрелки, что мы видим в фильмах, – не было. И даже наоборот.

Большинство тех, кого милиция закрыла по тюрьмам в период с 1992-го по 1997-й, как раз выжили. Они практически находились в плену, пока передовую перекручивало в мясорубке. Разумеется, сажали парней при другой мотивации, но по факту – спасали.

Если по людским понятиям, то те материально состоявшиеся ветераны от братвы, кто провел пусть неуютные, но годы, пока их братья по ремеслу уничтожали друг дружку, должны оперативникам РУБОП, уголовного розыска, прокуратуре, судьям. И ничего нет зазорного в том, если они сообщая перечислят интеллигентную сумму в фонд помощи ветеранам правоохранительных органов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ

Мой знакомый, некоторые еще помнят его как Андрея – Найка, так отреагировал на мою арифметику: «Считать надо? А надо ли считать? У тебя листочков в клеточку не хватит, чтобы на них крестики ставить. Кто-то не хочет и думать об этом, отворачивается с таким выражением лица, будто ему чужое под нос суют, а кто-то до сих пор выговориться от страха не может».

Театр начинаем с зарисовки легендарного ленинградского авантюриста Игоря САЛИКОВА

Вся эта бесовщина началась уже в 89-м году. Пошло предреволюционное брожение, как в бочке с брагой. Тогда джиннов из бутылки как раз выпустили, и я, как человек энергичный, оказался в гуще событий. Я сразу понял – это не мое. Я всегда привык жить с собой в согласии и просто физически не мог смотреть, когда заходили в офис, лупили коммерсантов, пыхтели: «Ты нам по гроб жизни должен, комммерсило...»

Я понимал, что меня просто грохнут, ведь не выдержу и все им скажу в розжи. Потому как видел, как этим новым русским достаются деньги. А деньги – это же нежный инструмент. Как говорил мой друг Вранглер: «Неважно, как ты заработал, заработать многие могут. Важно красиво потратить».

Быки не знали, как их потратить, когда с телег

пересели на «мерседесы». А им же «шестисотые» подавай. И я вдруг оказался в кругу «шариковых». Ну, не могу сказать, что я профессор Преображенский, но доктор Борменталь точно. А их бритая масса. И пухнет как тесто на дрожжах.

Поговорить с ними не о чем. Рассказать им мои комбинации, так они просто не поймут. Им сподручнее трубой человека по кумполу шарахнуть. Чую – надо бежать за бугор.

Помню Анджей, великолуцкий приятный парень, лицо у него было умное, ведь по отдельности многие были неплохие ребята, вздыхает: «Счастливый ты. Вот уедешь, а нас всех убьют».

Я ему говорю, так давай подскажу, к кому подойти, кому заплатить, и давай со мной. А он: «Не, перед ребятами неудобно». Его потом убили, конечно. Это когда у них война с «тамбовскими» началась.

ВСЕ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ

Заглядывая вперед, подтвердим предчувствие Игоря Саликова и Анджея парой цитат из лучшего, на мой взгляд, исследования о сицилийском феномене Джона Дикки. Автора, не только осмыслившего нутро «Коза ностра», так еще и написавшего текст великолепным языком.

Пик резни среди петербургской братвы пришелся на 1995 год. Тому есть статистическое подтверждение, ано-

мальное количество информации СМИ по этому поводу, наконец, фокус зрения самих участников той рукопашной схватки. Точности изложены в сотнях уголовных дел, но в практике отечественных следователей не было задачи разгадывать происходящее. Поэтому для постижения масштаба той, в каком-то смысле гражданской, войны удобнее воспользоваться документами итальянской прокуратуры. Тем более что далее мы будем обращать легкое внимание на сходство и различия стереотипов поведения мафии Сицилии и Петербурга.

Так, в 1996 году, в период войны семей острова Сицилия, был арестован человек чести по имени Джованни Бруска. Обыск у него лишь доказывает похожесть образа жизни представителей острова и набережных Невы – 15 тысяч долларов, пистолет, часы от Cartier. Чуть позже он произнес самые устрашающие слова о своем ремесле: «Мы убили гораздо больше сотни, но меньше двухсот человек».

Неопределенность его дальнейших размышлений неожиданно и необыкновенно объясняет бандитско-пушкинское «упоение в бою»: «В тот момент я просто не успел задуматься». Такое впечатление, что это произнес гусар после сабельной атаки.

Это для математиков сравнение – не доказательство, а впечатление – инородное понятие. Для нашей истории – в самый раз.

«Ужас из щелей»

Продолжает САЛИКОВ

А в 1989 году я сел в поезд и уехал из Союза, заплатив за брак со шведкой Марией Агнетой 25 тысяч рублей. По тем временам – две с половиной автомашины «Жигули» точно. Крепкие деньги, если вспомнить, что инженер максимум мог мечтать только о десятилетней колымаге.

Петербург, 90-е, братва

Когда через пять лет я заскочил обратно в Питер – ужас прет из всех щелей. Ну чистый «Вий». В 1994 году я пришел встречать Новый год в гостиницу Профсоюзов на Каменный остров. Они тогда там столовались. Обалдел от контингента.

Ну, матросы железняки. Уровень интеллекта минусовой, похожи друг на друга как хомуты в сельпо,

а считают себя хозяевами жизни. А потом, когда пошли застольные речи – братва, смерть ментам, все должны нам платить... – у-у-у, думаю, далеко вы, ребята, заплывете.

Мы же себя выше власти никогда не ставили, в голову такое прийти не могло. К милиции относились с уважением. Иначе бокс без судьи получится. И что получится?

Там такой филиал они собрали, кого волна выбросила наверх! Что особенно запомнил – на всех черные пальтуганы, шарфы белые на костюмах, не подогнанных по фигуре, у некоторых одинаковые ручки Dyront торчат из нагрудных карманов пиджаков. Правой пишу, левой зачеркиваю. Видно, одну партию грабанили и по карманам горстями распахали. Будто кино смотрю. С ними телки как дворняжки. У них фантазии не хватает в парикмахерскую зайти, волосы красят перекисью водорода в тазу. Ну чистые лохи.

Съемки братвы, банкет, Петербург, 90-е

Если ты претендуешь на место в партере, то физиономию-то хоть протри. Взглянул я на их

огромный стол буквой «П», набитый под завязку хрустальными вазами с ананасами, зажмурился от блеска их золотых пуговиц от Versace и перекрестился «Господи, убереги» – и бегом.

Еду и думаю: «Что из моей родины сделали!»

БОК О БОК

Предыдущая эмоция напоминает впечатления аристократа, вернувшегося после 1917 года. Подледный, теневой, да и классический преступный мир Ленинграда категорически не принял правила игры нового класса – новых русских. Между ними трудно отыскать совпадения. Но для того, чтобы их правильно растащить в разные стороны, нужен нестандартный взгляд. С 1917-го по 1991-й на одной шестой части суши планеты Земля бок о бок и достаточно мирно царствовали две мощнейшие противоположные религиозные веры.

До эры братвы

ЧЕРНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ УЧЕНИЕ

Единственный из диктаторов вроде бы безбожного XX века, кто признал то, о чем мы сейчас поговорим, – Муссолини. В своей доктрине он открыто заявлял, что его концепция – религиозная. Гитлер официально клялся в обратном. И провозглашенный большевизмом агрессивный атеизм был типичной верой со всеми причитающимися ей атрибутами. От святых до иконостасов Политбюро, от новых божеств до триединства – Маркс, Энгельс, Ленин.

В нашей теме важно то, что хоть и лежит на виду, но до удивления незаметно: при вожде всех народов воровской мир стал огромным, да и единственным антисоветским подпольем. И ему за это ничего контрреволюционного не было. И даже поболее – воров признали социально близкими классу рабочих и крестьян. Власть в ее высшем метафорическом смысле всегда же преступникам доверяет больше, чем художникам и писателям.

На Руси путь от татей – придорожных разбойников – до профессиональной преступности занял лет четыреста.

Пропустим археологию. Взрыв капитализма в России кон-

да XIX родил ту преступную субкультуру, от которой мы теперь шагаем. С ней мы перешли в эпоху социалистической революции.

К 20-м годам у жулья уже было крепкое устное право, которое мы до сих пор называем понятиями. Да, это слово несет уголовный флер, но и моральный кодекс строителя коммунизма – тоже понятие. Не ябедничать в школе – понятие, ведь учителя требуют говорить правду, например, про разбитое стекло. Уступать место женщине – это тоже, кстати, понятие, ведь в инструкциях такого не прописано.

Но первое правило воров – ни с какой властью дел не иметь. Их свод законов объемный, во многом требующий толкования, а кратко он выглядит убедительнее в их собственных устах: «С малолетки сидеть, в армии не служить, под хвост не баловаться».

Первая ересь проникла в их ряды еще в СЛОНе – Соловецком лагере особого назначения, куда в 20-х свозили золотопогонных. Чекисты предложили блатным послабления фактически за помощь в истреблении представителей царской элиты. Воры-ортодоксы уверяли свою паству, что грех это, нельзя делать то, что хочет администрация. Но победили чувство самосохранения и желудок.

Кстати, в это же время некоторые офицеры и вообще люди с характером из бывших, не сбежавших в Европу или не пожелавших сбежать, влились в преступный мир. Знаменитый вестерн Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой

среди своих», в принципе, о трех путях русского офицерства – «чекист», «бандит» и «белогвардеец». Причем ротмистр Лемке воевал в дивизии Каппеля, шел бить красных, а при-
мкнул к банальным налетчикам.

К 30-м годам СССР начал поднимать промышленность и осваивать циклопические территории. Никакая экономика тогда бы не выдержала, отсюда Сталин пошёл по пути рабовладельческого строя. Только назвали миллионы каторжан врагами народа. Контролировать архипелаг ГУЛАГ без помощников было затруднительно. Тут и вспомнили мысль времен революции о социально близких блатных, которых можно перековать в советских тружеников, и о неисправимых дворянах.

Если первая немая дореволюционная синема в России – про разбойника Стеньку Разина, то первый звуковой фильм датируется 1931 годом. В «Путевке в жизнь» орудует шайка беспризорников во главе с жиганом, но главный герой перевоспитывается коммуной. И погибает, между прочим, от ножа урки. Который уже и не урка, а вредитель.

Пусть культовая песенка «Марсель» и написана после Великой Отечественной, но большинство считают, что родилась она в тридцатые. Рифма великолепно расставляет идеологические акценты. В ней к грабителям подкатывает подозрительная личность, предлагая «жемчуга стакан» за «советского завода план», но наши преступники «сдают того фразера войскам НКВД».

К тому времени идея власти Советов превратилась в полноценную красную веру. Даже с заgrabным лозунгом – «Наши дети будут жить при коммунизме». Блатные, они же черные, многое копировали, вплоть до процедур. Так, по уставу в партию рекомендовали двое, а кандидат в воры должен был заручиться положительными отзывами двух законников.

Настоящий партиец показывался на киноэкране только как человек, полностью поглощенный идеей и, безусловно, бессребреник. Это от греческого слова – лик святого. Так же и вор, согласно своему катехизису – бродяга, воспринимающий деньги как грязь. Воры даже в манерах демонстрировали презрение к золоту. Деньги доставали скомканными, а пересчитывать рубли считалось зазорным.

Руководители советского государства всегда подчеркивали свое бедное происхождение. Ушедшая накладка «Не забуду мать родную» – это не про маму, а про ватагу, где принес клятву на верность. Кстати, у самого известного вора Деда Хасана, убитого в 2013 году, это и было нанесено возле колена.

Где должен был быть настоящий большевик? В горячем цеху, на фронте. А вор – в зоне. Там его паства, он там миссионер. И несмотря на то, что воры открыто оглашали предельно антисоветское мировоззрение, никто их контриками не считал. Это жутко удивительно и требует отдельного научного внимания. Империя разделилась, как того воры и захотели. Слоган был провозглашен предельно публично: «На

воле закон ментовской, в тюрьме – воровской».

К 1938 году красные так густо поубивали своих главных православных противников, что в Союзе осталось лишь несколько архиепископов. Вроде – четыре, но дело тут не в точности. А к 1939 году Сталин присоединил Бессарабию – часть Молдавии, кусок Польши, Львов, Прибалтику, земли до Выборга. Ввиду того, что там церковников никто не резал, то архиереев стало намного больше. Но они были другие. Христиане, но не очень православные. Начались невидимые верующим разночтения в толковании Писания. Это я к тому, что с тех же пространств хлынула и зарубежная оргпреступность. Тоже со своим уставом. Например, европейская отвергала монашеский принцип русских воров – не иметь семьи, дома. Поползла еще одна незаметная трещина, пришлых прозвали «польскими ворами». Неуловимые для нас штуки. Это как в иудаизме – мать еврейка или только отец еврей. Разница колоссальная.

Заодно и Финская зимняя война сыграла свою роль. Она была первая для рожденных после Октября, появилось новое поколение фронтовиков, но и они в тюрьму попадают. И пришли они за решетку с духом, стойким окопным опытом. Подчиняться блатным им было не по нутру. Они сшивались в отряды. Отсюда произошла масть – «автоматчики». Потом появились «махновцы», отрицающие устои всех и вся. И пошло гулять по лагерям разномастье, вплоть до «один на льдине» – тот, кто живет по своим правилам. Своего рода

сектанты. Конкуренция. Хотя канонические воры еще стояли цепко. Но грянул 1941-й.

Колоссальные потери на фронтах толкнули Кремль в лагерь. Кто хотел искупить кровью, сделал шаг вперед. «Автоматчики» первые, «польские воры» за ними, но потянулись и классические. Большинство сгинули, часть вернулась с медалями на груди. Я лично знал в 80-е вора в законе по прозвищу Толя Москва, он жил в коммуналке на 7-й линии Васильевского острова, каждое 9 Мая надевал орден Красного Знамени и театрально пил пиво возле Андреевского рынка. Умер, как и полагается монаху – всеми забытый, без гроша, в подмосковном доме для престарелых.

После Победы мало кто из них встал на путь исправления. Возвращались в лагерь, где, по Высоцкому, вновь «срока огромные брели в этапы длинные». Воевавшие думали, что в лагерях они вновь займут почетные места, но те, кто не отрекся и не взял винтовку из рук власти, обвинили их в ереси. Так начался великий раскол в воровском мире.

Вернувшихся с фронта объявили суками. Отсюда и исторический код послевоенных времен – «Сучья война». Но это вам не война гангстерских семей – постреляли, новостей наделали, угомонились. Впервые в нашей истории, а может, и человечества, преступный мир лил кровь не за деньги, территории или рынки, а за идею. То, что их собор был без креста, архитектурная накладка. Хотя себе они кололи купола с крестами.

Кишки выдерживали друг у друга и на локоть наматывали. Суки на ходу придумывали новую обрядность, заставляя целовать старых законников нож и тем самым переходить под их знамена. Ортодоксы выкалывали врагам глаза, отрезали уши и при них жарили куски кожи. Суки жгли на листах железа живых воров, воры прибивали сук гвоздями к нарам. Ничего подобного этот мир не знал. Будто вспыхнула ушедшая ненависть Гражданской войны, когда топили сотнями, сдирали кожу и сжигали заживо.

С того былинного времени еще доносится ныне плохо понятное эхо в виде наколок на груди: «Передайте людям – я умираю воров». Заметьте, что ни вы, ни я к людям в данном случае отношения не имеем. Люди – это блатные, то есть верующие в ту доктрину.

Немного раскрашу: лично наблюдал, как человек сорок заводят в лагерь, а кто-то им кричит из-за забора: «Воры есть?» – «Есть!» – «Людей сколько?» – «Четверо!» Так что остальные три десятка не люди. Близко к нелюдям. Мало чем отличается от арийской теории.

Госвласть же всегда тупа при неожиданности. Сперва НКВД потирал ладошки, мол, пусть друг дружку пережуют. Вскоре контроль над лагерями был утерян. Никто не знает, сколько их полегло, взрослые эксперты склоняются к цифре в 40 тысяч душ. Наконец до чекистов дошло, и их начали разбрасывать в разные стороны. На этапных карточках ставили литеры «В» и «С». А религиозная война все густела.

В нее включились тысячи арестованных бандеровцев и лесных братьев из освобожденной Литвы. Эти встали за сук, хотя на воле убивали именно «автоматчиков». Между прочим, от них произошли культовые наколки – звезды на коленях и плечах. Отдельно вели себя сосланные чеченцы. Все перемешалось. Тем временем законники только крепили в непогрешимости своей религии. Они даже смастерили «Страшный суд» на белом свете.

Из дальневосточных портов в Магадан на пароходах по-прежнему гнали зэков. Пока плыли, в трюмах собирался воровской круг. Любой мог выйти и предъявить равному отступничество от «конституции». Судили трое самых авторитетных – высший суд. Читайте: в СССР – тройка, в православии – троица.

Проигравший диспут убивал себя сам – бросался на нож. Охрана сбрасывала тело в ледяное море. И, поверьте, пока плыли, все спорили и самоуничтожались. А пароход тот назывался – «Дзержинский». Кстати, Феликс сам когда-то сидел в Орловском суровом центре с матерыми уголовниками.

Фанатики, крестоносцы на черном ходу готовы были освободить свои святыни – те лагеря, где власть захватили суки. Кстати, еще в 2010 году в колонии «Металлострой» в Петербурге храм был покрыт черным железом.

Но и протестантские войны стихают. И староверы идут на мировую. Семьи разошлись по своим алтарям. Между «пат-

риархами» установились дипломатические отношения, как у нас с папой Римским. И тут пришел Никита Хрущев со своей искренней романтической химерой.

Генсек не только заявил о культе личности, но и додумался до отмирания МВД, переименовав его в Министерство охраны общественного порядка. Сократил довольствие милиционерам, пообещав, что в 1980 году покажет по телевизору последнего преступника. Для достижения утопии быстро создали места, где устроили нечеловеческие условия тем, кто отрицает труд и догмы строительства счастливого будущего. Начались реально тяжкие деньки и для воров, и для сук.

Им стало так тяжело, что воры и суки решили закопать вражду. Объединились, чтобы противостоять. В тех местах, откуда я родом – на Васильевском острове – есть Лютеранское кладбище, а на нем стоит известный всем местным памятник – детям, погибшим в 1942 году под бомбой. На этом месте и произошло примирение ленинградских воров и сук. Точку сбора они выбрали с умом. Вроде как бы про войну, но мертвый ребенок все меняет. В 60-х старший от воров, Варшава, пожал при всех руку старшему от сук, Москве. Тольик Москва мне это сам рассказывал. Ведь это уже были легенды.

Тем временем Никиту Сергеевича сняли, а в ЦК про воров подзабыли. Вернее, перестали страшно мучить. Враги объединились и вновь подобрали под себя власть в тюрьмах

и колониях. Порой искра пробежала между ними, но это уже были тактические разночтения в толковании своей «торы».

Тогда еще они доживали ветхозаветным способом. Например, если в какой-то колонии не было вора, то договаривались с уголовным розыском и садились за плёвую карманную кражу в той местности. Потом быстро осуждались, и их «случайно» этапировали в нужный лагерь. Все верно – храм без священника быть не может. Иначе паства заразится ненужным, головы набьются хламом.

До девяностых докатились мифы о монахах, тех, кто никогда сам не выходил из лагеря, или тех, кого власть никогда не отпускала из лагеря.

Последнее концептуальное событие произошло в период, официально объявленный как время социализма с человеческим лицом.

К концу 70-х наверху воровской вертикали правили в основном славяне, евреи, ассирийцы, курды, а в Грузии и Средней Азии пошел аномальный рост подпольной промышленности. Термин ему – «цеховики». Теневой рынок рос, а грузин воров было немного. К очередному сбору, читай – к съезду правящей партии, где все решается демократично, голосованием, как мандатами в Верховном Совете, грузины вдруг наехали толпой. Оказалось, что они хитро и скоро короновали пару десятков своих, формально не нарушая церемонии и протокола. Славяне и евреи не смогли им возразить по процедуре и остались в меньшинстве. Отомстили

вербально, обозвав «мандаринами». То есть тем, что продавалось на колхозных рынках и с чего воры-грузины получали дань. Но это, как вы понимаете, уже предтеча разложения на ниве теории социалистической политэкономии.

Несмотря на то, что утопия Хрущева была публично высмеяна, в 1981 году в Соликамске выстроили ныне легендарную колонию «Белый лебедь». Там вновь начали ломать воров. Докатилось до инквизиции.

Издевались над стойкими до тех пор, пока покалеченный не выдерживал и не заходил в радиорубку, открыто отрекаясь от воровской веры. Воры таких понимали, но не прощали. Тех, кто шел на голгофу, умирая в мучениях, признавали великомучениками. Рождались святые, как Бриллиант, он же Бабушкин. Его забили за то, что не взял в руки метлу. Выстоявшему праведнику Васе Коржу, кто безвылазно отбыл полвека за колючкой, поставлен удивительно глубокий памятник в Харькове, на кладбище с тонким названием «Лысая гора».

Старались изо всех сил, не ведая того, что настоящая опасность лежит не в черном цвете. КГБ – туда же, все выискивали инакомыслящих, разносчиков запрещенной литературы, которую, кроме ничтожного числа интеллигентов, никто в руки не брал. Тем временем спортивное братство начинало наливаться ядовитым соком.

Буржуазная революция 1991 года тупо добила воров финансовым подходом ко всему сущему. В фильме «Антикил-

лер» вор в законе Крест подъезжает к хоромам другого вора и плюется: «Вор так жить не должен». Но это было до того, как стало потом.

НА ЛУНЕ БРАТВЫ НЕТ

Братва подняла знамя новой этики и эстетики. Если в основе воровской веры было слово, то в бандитской сути – сила. Действительно, трудно языку конкурировать с бицепсом, тем более если все стало дозволено.

Россия, прежде всего, дала текст. К слову у нас всегда относятся более настороженно, чем к делу. Воровской мир интуитивно принял эту традицию. В данном случае речь, конечно, не о жаргоне. Вор – это судья. Он не только применяет свое право к нарушителю устоев, но еще и объясняет, склоняет к раскаянию. А потом уже, на основании его вердикта, применяется насилие. Отсюда и язык правоприменения оттачивался десятилетиями. Законники бережно относились к языку, как сегодня, наверное, чтят литературный русский только на телеканале «Культура». Внимание к этому – удел специального филологического исследования, но для впечатления можно привести короткую фразу. «На Луне водки нет» – порой мог отмахнуться в разговоре истинный блатной. Вроде не поспоришь, но отдает чуть ли не митьками. Этимология же высказывания начинается с поэтического синонима глагола «расстрелять». На их сленге – это «от-

править человека на Луну». А на Луне, как известно, постно.

В 80-х власть воров, как и власть истинных большевиков-ленинцев, потихоньку идеологически уклонялась, подтачивалась реалиями брежневского застоя, практически пала под искушениями горбачевской перестройки и издала последний стон при распаде Красной империи. И грянула братва.

ГРИЛЬЯЖ

Мне было лет семь, я побежал в сквер, что до сих пор цветет на 15-й линии Васильевского. Там по воскресеньям на определенных скамейках сидели те, кто уже отсидел по малолетке. А рядом, как правило, был кто-то совсем взрослый. Лет тридцати, из блатных. Они держали кулек с дорожными конфетами «Грильяж в шоколаде» и демонстративно раздавали их детворе. Гуляющие мамы с колясками это видели, но помалкивали. Так блатные рекламировали свой форс. Я знал, что эти конфеты стоят по 8 рублей за кило – сумма неподъемная для родителей, – и просить об этом я их не мог. Лишь иногда забегал в магазин «Белочка» и смотрел на груды шоколадных сокровищ.

Прибежав к скамейкам, я изо всех сил постарался показать, что я тоже крутой. Начал что-то лепетать, выпихивая невпопад изо рта сплошные ругательства. Тогда старший сказал: «Ну-ка, присядь. Тебя как звать? Почему ты так ру-

гаешься? Ты что, у пивларька? Противно слушать».

Видеосъемки наружного наблюдения: съезд двух бригад,
Петербург, 90-е

Я испугался.

– Ты все понял? – спросил он, отсыпал мне несколько конфет и напутствие: «Читай хорошие книжки, не ешь много сладкого – клыки крепче будут».

РУССКИЙ ТЕКСТ

В нашем основном коде – русской литературе – злодеев как уголовников представлено ничтожно мало. У Пушкина в «Капитанской дочке» – Пугачев – про другое, про бунт. Его Дубровский – или благородный разбойник, или даже предтеча экспроприации. Похоже, на нужных нам типажей обращал внимание лишь Горький. Пусть он считается больше писателем советского слова, но жил среди них и создал тех

до 1917-го. Поэтому блатных можно увидеть только у него. Это, прежде всего, Васька Пепел из «Дна», Гришка Челкаш – «вор, резкая, босяцкая фигура».

Что до культового Чичикова, то это как раз типаж нулевых – удобного, некровавого времени. Кстати, он носил фрак брусничного цвета и медвежью шинель. А похожих на братву в русской классике никогда и не было. Ведь и мира спорта тогда не существовало.

Их образы начинают созреть в советских детективах о работе УГРО: «Город на болоте, буржуев не желей, во главе босоты всей Ленька Пантелеев».

«Сгинули как большевики»

Валерий КУРЧЕНКО, или Сухой

Я блатной, из воровской семьи, бродяга. Родился на Урале, в тяжелом краю. Мама и папа были партийные, фронтовики. Вкалывали. Верили. А воспитала улица. Уже в шестом классе я с пацанами залез на овощную базу, и там мы украли шесть царских берданок и мешок яблок. Хотя в детстве хотел быть хирургом. Лет с шестнадцати я пошел по блатной жизни абсолютно сознательно. Выбрал путь сам. На работу не выходил. Запало было. Первый раз сел в двадцать лет за карман.

Вообще, настоящие жулики в подавляющем большинстве были карманниками, домушниками. Это чистые статьи. Благородные. Карманники – элита.

На начало 60-х годов у воров были следующие

заповеди: на власть не работать, жить без семьи, убивать жулик не имел права, только за оскорбление, и то ножом. Не красть у ближнего, то есть у своего, иначе ты крыса. Никогда не лгать своим. Не торговать наркотиками, не насильничать. С опером болтать, конечно, не стоит.

В лагере – не работать, контролировать картежные игры, с ларька в колонии собирать на БУР (барак усиленного режима), на крытую (самый строгий режим). Повязку не носить (повязки носили члены официальных секций в исправительно-трудовой колонии). Жулики все верующие. Нужно быть добрым, помогать людям. Накорми, обуи, а не кидай подаяние.

Нам за соблюдение «торы» положены были изоляторы, БУР на шесть месяцев. Но нарядчику платили деньги, и он лепил левые ведомости. Вот вроде и вышел поработать, а поиграл в картишки. Не работали. Раньше красных зон не было. Все черные. Если умный хозяин, то мужики план дают. Конечно, вор не имеет права давить на мужиков, но собеседование провести можно, мол, если будет план, то и водочки можно в зону загнать. Порой вкалывали те, кто проиграл в карты – фуфлыжники. Короче, как в песне из фильма «Путевка в жизнь»: «Мустафа дорогу строил, а жиган по ней ходил».

Наколки у блатных свои были – церкви, звезды от Бога. Общественная воровская жизнь проста – искать пути, где деньги лежат, помогать семьям арестантов, своей семье. В камеру заходишь – расстилают чистое

полотенце – надо ноги вытереть, значит, домой пришел.

На сходняке – пятьдесят – сто человек. До конца и не знаешь, сколько в семье. Главу семьи выбирают на сходе. А ворами иногда сами себя объявляли – Джем так сам себя объявил. Хасан тогда согласился: «Пусть ворует».

Но, как правило, делают так называемый «подход» к ворам. Нужно, чтобы за тебя два-три вора поручились. В принципе, как при вступлении в партию большевиков-ленинцев. Иногда возникали непонятки. Вор не век живет. После смерти тех, кто поручался, могли начаться интриги – попробуй докажи. Надо было очевидцев собирать – что «подход» был, что тебя окрестили по правилам. Ритуал прост: сходняк, кто что знает за кандидата, вопросы ему, признать вором или отвод. После малявы (письма) идут в лагеря, города – оповещают все нужное общество, что появился новый вор. Теперь же сайт правительства есть, где все ключевые назначения вывешиваются – та же функция.

Есть в этом мире и святые: Бузулуцкий Василий – похоронили в Питере в 1993 году. Конечно же, Вася Бриллиант. Они лет по сорок отсидели. Символы. Их не сломали на «Белом лебеде», а пытали там воров по-настоящему: либо подписывай отречение либо под пресс. Им колоть лежащего было удобно и приятно. Бриллианта в камере повесили. Некоторые выстояли, прибитые к кресту.

Слава Япончик до убийства и Хасан стали вместо них. Они тоже выстояли, плюс, конечно, в последние десятилетия финансовая мощь, связи на самом верху власти.

На похоронах у Японца я нес его фотографию перед гробом. Он выше для многих был, чем Крестный отец. Хасан тоже не дошел до сегодняшнего времени. Питерских не осталось. Был Берла, Илья, Ассириец – он еще голубятню держал.

Много кого еще было, но они не сумели перестроиться в 80-е – так и воровали по мелочи. Сгинули, как те старые большевики, бравшие Зимний.

БАЗАР

После 91-го ни о каком приличном языке речи уже не было. Как с вентиляторного завода, разбросало мат-перемат, базар, то, что до революции называлось кабаком. И деловая Россия свалилась в блатную кашу как в мусорный бак. И до сих пор, даже в хипстерской среде, даже с голубого экрана, слетают чисто лагерные слова: «беспредел», «косяк», «фуфло». Чуть ли не первыми, кто всенародно начал использовать словечко «беспредел», были лидеры нации.

«Косяк», заметим, это нашивка в виде треугольника на рукаве у осужденного, кто согласился вступить в секцию дисциплины и порядка. То есть согласился стучать на арестантов ради скорейшего освобождения. «Фуфло» – это по-

ближе к гениталиям.

Символом же ушедшей поэзии является ныне незаметная большинству могила ленинградского вора в законе Берлы. Надгробие стоит на самом козырном месте Еврейского кладбища, за стеной Синагоги. Правда, там два надгробия. Первое – родителям в свое время полпреда Ильи Клебанова, а рядом ему. Две власти.

«Человек мудрый, скромный и правильный». Мне кажется, многие были бы не против такой эпитафии. Но даже если вы не знаете, кто такой Горовацкий, то прилагательное «правильный» должно что-то в вас задеть. Оно идейное. Это оставшийся подтекст.

Петербург, Еврейское кладбище, могила Берла

МАЛЕНЬКИЙ ПРОФЕССОР

С этой эпитафией женится старая присказка «Коза ностра». Рассказывается она от лица мафиози: «Допустим, ко мне приходит маленький профессор. Он наставляет на меня большой пистолет и говорит: „Встань на колени и отдай мне свой кошелек“. Конечно, я встану на колени и отдам ему кошелек. Но после этого маленький профессор не станет мафиози, он станет дураком с большим пистолетом и моим кошельком и скоро умрет. Я никогда так не поступлю.

Если мне нужны будут деньги маленького профессора, я приду к нему с большой бутылкой хорошего вина и скажу: „Маленький профессор, я попал в очень сложную ситуацию, помоги мне – мне нужны твои деньги, а я хочу остаться твоим другом“. Я буду его убеждать и извиняться перед ним. Но если он не отдаст, то мне придется его убить из большого пистолета, который я с собой никогда не принесу.

Но в таком случае мы проиграли оба».

Стереотип поведения братвы полностью игнорировал этот изысканный стиль.

РОДНАЯ РЕЧЬ

В феврале 1991 года коммерсант Мухин записал свой раз-

говор с Константином Яковлевым, кто станет своего рода символом под прозвищем Могила.

Пленка сохранилась. Сегодня текст является документом времени. Его не надо редактировать.

«Если мало ли какой-то наезд будет или что, значит, зовут меня Костя, в городе зовут Могильщик. Значит, сразу скажи, ребята, вот у меня есть знакомый – занимается моим делом. Я его попросил, он мне помогает. Какие там ко мне претензии, вот, пожалуйста, с ним встретиться и разбираться. Я не хочу в эту ситуацию, я рабочий человек, б...ь, у меня своя работа, разборки мне на х... не нужны, вот с ним и разбираться. У него есть какие-то полномочия по отношению ко мне, и все. Спокойненько, без наездов, не посылай на хер никого. Скажи, ребята, если хотите, давайте стрелочку забьем. Ну, чтоб мы с тобой состыковались дня через два. Вот скажите, где вы будете через два дня, я передам человеку, он подъедет. Скажи, что вопрос будет решаться без мусоров, б...ь, это я отвечаю за это, на х... Скажи, подъедет правильный человек.

...

Если ты не уверен в себе, к Саше Мальшеву не подъезжай, к Сереже Васильеву не подъезжай, с Букиным не разговаривай, и тогда будешь платить мне. Правильно? Ну и правильно, на х... надо, чтобы обо мне все знали? Обо мне знают те, кого я прикрываю. На х... надо, чтобы каждая проститутка обо мне знала.

Деловые люди, с которыми я имею дела, меня знают. Друзья там мои. С Мальшиевым мы вместе выросли, Пашика Кудряшов, Кумарин, «Роза Ветров».

...

Под «крышу» нужно влезать к кому-нибудь. Понимаешь? Я весь удар беру на себя, понимаешь? Мне придется воевать. Просто воевать. То есть мне надо говорить так, б...ь. Вот я приеду на стрелку, скажу, вот коммерс мне отдал бабки, б...ь, как вы просили, но вы их х... получите. Все. Все претензии ко мне. Вот единственный выход. Согласен? Чтоб к тебе не было претензий. Мне надо, понимаешь, в конце концов, если так делать, мне надо тоже, б...ь, одному, на х..., тяжело будет выводить, я тебе сразу говорю. Значит, надо, это самое, на братву сразу деньги. Там «казанские», значит, я в Москву к Французу поеду. Также с голыми руками не приедешь. Если пообещал сколько-то, нужно будет выполнять это. Так можно ляпнуть все, что угодно. Сказать, что отдам, а с чего отдам. Нет, ты уж лучше, старик, подумай.

...

Вот здесь гостиница «Мир», Монс, беспредельщик этот, там болтался. Восьмидесятые годы, вначале, там, оттуда все мы выросли. И Кумарин, и Пашика Кудряшов – все ведь мы вместе росли, можно сказать. Гена там болтался, через день, б...ь, шелабаны получал. Это очень важно. Ты не волнуйся.

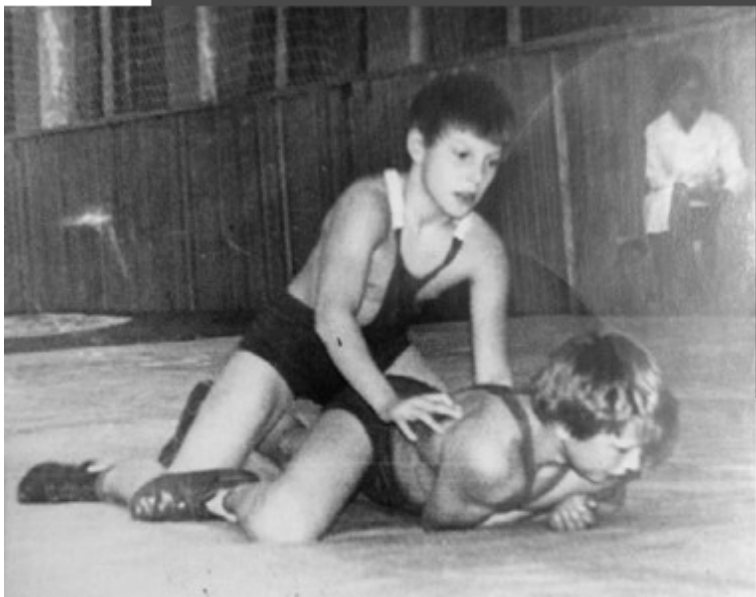
...

Кумарин, б...ь, тоже, на х..., насобирал там разных,

*там рязанских, б...ь. Кто, на х..., не придет, а ребята,
б...ь, да вот, оставайтесь. Мы как раз, наоборот, всех
выгоняем, из Ленинграда. Х... знает, во что превратили
город. Бардак.*

Петербург, 90-е, братва в ресторане, новое прочтение старой мелодии

Ленинград, 70-е,
Сергей Кушин сверху

На них страна надеялась
Сергей КУШИН

В младших классах я был слабенький. Не то что на значок ГТО, а подтянуться ни разу не мог. На улице со шпаной робел, а по подвалам с ними не очень нравилось ползать. Что-то внутри сработало, иначе по малолетке с ними пошел бы и потом себя бы нашел, но не в том месте. Пошел в борьбу, маленький зал в Невском районе. Тренер говорит – просто виси

на турнире, хоть немного сгибай руки. Болтался на шведской стенке как сосиска, утром начал что-то себе доказывать – бегать по Володарскому мосту. Разошелся так, что прибегаю домой, а завтракать не могу – рвет. После летнего лагеря подтянулся 17 раз. Кто сачковал, я тому говорил: «Ты сачковать и дома мог. Ты слышал песню – „Мы верим гордо в героев спорта“?! На нас страна надеется!»

Я помню, была Олимпиада в Москве, 80 год. Я бегаю кроссы, лечу мимо баскетбольной площадки, начинаю подтягиваться: тридцать пятый, тридцать шестой... кисти уже не держат, а я думаю – нашим на Олимпиаде тяжелее, ну хоть чем-то им помогу. Тридцать девятый, руки скользят, сороковой, нашим труднее – и вдруг слетел и затылком о землю – хлоп. Открываю глаза, звездочки какие-то, встал и побежал, представил, что я на Олимпиаде и вся страна на меня смотрит, ждет, когда Гимн СССР заиграет.

Я выполнил мастера спорта по классической борьбе в 1981 году на турнире «Северное сияние». Поверил в себя, руки стальные стали. Первый раз, а мне 20 лет, пригласил девушку в Мариинский театр. Институт Лесгафта же рядом, парни идут – ржуют: во, смотри, Кушин цветы купил, на балет идет. А я уже в себе уверен, а в 90-х иногда только за то, чтобы со мной поговорить, коммерсанты по 10 тысяч долларов выкладывали.

Это потом я понял, что кто в театры не ходил, быстрее в стаи сбивались и шерстью обрастали.

Античность

ВЕЛИКАЯ ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ

Самый большой из северных городов мира, четвертый по населению в Европе, к концу 70-х выглядел богооставленным. На улицах – грязно, в реках и озерах купаться – попросту вредно. Перенаселенные доходные дома в центре города – в полуразрушенном состоянии. Еще в 20-е годы Георгий Адамович в парижской иммиграции мог писать: «На земле была одна столица, все другое – просто города». Из всех имен, данных в разное время городу, к концу брежневского правления ему больше всего подходит название Северная Пальмира – античный город, занесенный песками. Строка поэта Льва Озерова «Великий город с областной судьбой» – точное определение того, что советская власть за 60 лет сделала с имперской столицей. Сбылось предсказание: «Если Петербург не столица, то это не Петербург».

БЕГЕМОТЫ У СТЕН ПОЛИТБЮРО

Начальство в Ленинграде – битое. При Сталине расстреляли три генерации местной номенклатуры с чадами и до-

мочадцами. Так что здешний партийный бомонд понимал: надо сливаться с местностью. В брежневской Москве ленинградский стиль представлял предсовмина Алексей Косыгин. Худощавый, хмурый, с правильной речью, он самой манерой поведения контрастировал с тучными жизнерадостными брежневскими земляками, изъяснявшимися на восточноукраинском «суржике» с фрикативным «г». «Стиль Косыгина» – это внешняя пристойность, чувство меры.

Безусловно, уровень Косыгина вызвал раболепное преклонение у тех, кто встроился в партийную и государственную номенклатуру. Теневые ребята уже не готовы были стыть перед такими бонзами. Когда наступила черед смертей генсеков, никто друг друга, как на похоронах Сталина, не давил. Сдержанная ирония к ним чувствовалась во всем. «Идет Косыгин по отелю в Варшаве и спрашивает у горничной: „Извините, где мне тут можно в туалет?“ – „Вам – везде“».

Что касается игроков рынка обмана, то при случайном столкновении с людьми даже такого уровня они уже не робели.

**Владимир ТИХОНОВ,
он же Бегемот**

«Меня послали обслуживать банкет на правительственную дачу на Каменном острове. В армии я служил, на учетах не состоял, родители на оккупированной территории не были, на фабрике

поработал контролером, недавно только закончил профессиональное училище общественного питания и по распределению попал не куда-нибудь, а в гостиницу «Интурист-Советская». К тому же я был небольшого роста, но статный; книги читал, а на лбу ненужная умность веснушками не проступала.

Короче, накрываю столы, хожу неслышно. А за распахнутыми дверьми в соседнее помещение замечаю Председателя Совета министров СССР, товарища Косыгина. Кто ж его не знал, его же через день по телевизору показывали, а в телевизоре две одинаковые программы. Вдруг слышу милые мне постукивания шаров из слоновой кости. Я тихонечко пролезаю, как в щель, и начинаю обтирать ручки дверей из меди.

А Косыгин в одиночку развлекается с кием – умело засадил по учтиво расставленной пирамиде. Все великие тогда имели доступ к таким столам, но, конечно, обладать мастерством – это другое. Ну а рысьей хваткой – это вообще не про игру на просто так.

Тут он заметил мой взгляд и подзывает, мол, увлекаетесь, юноша? Ну вот, в принципе, и все. Он мой.

Я ему – Алексей Николаевич, у меня нет шансов против вас. Он протянул мне кий, а я так, склонив гриву, под дурака: «Алексей Николаевич, по рублику?». Это ж Косыгин! Это же оскорбительно! В результате забились по 50 рублей, мне пришлось ему наплести что-то про свои деньги. У меня в кармане червонец, но я-то знаю, что случится скоро.

Не сразу, конечно, чтобы внаглую не вскрываться. Вначале подлег под него, промазал, как полагается, а потом как бы случайно опрокинул. Главное сыграть идиота – ой, как это так вышло?!

Жертва должна быть уверена, что сильнее тебя, а проиграла случайно. Наговаривать не буду, 50 рублей Косыгин отдал. Ну, чистый лох!

ЛОХ

Буквы ЛОХ с начала 80-х годов стали популярнее, чем самые известные три их коллеги на заборах. Ленинградская этимология этой аббревиатуры необычайно проста. ЛОХ – это буквы государственных номеров на автомашинах Ленинградской области. В области были и зажиточные люди. Некоторые крестьяне зарабатывали правильным трудом: выращивали свиней, картошку и привозили товар на рынки Ленинграда, и, конечно, на самый престижный – Кузнечный рынок. К нему больше всего подъезжало подержанных «жигулей» с номерами ЛОХ.

Центровые всегда высокомерно смотрели на кулака-труженика. Он был иначе одет, говорил по-другому и для них был простаком мещанином. Они и прозвали таких лохами. Но как только в адрес первого скрытого сельского буржуа было брошено это словечко, так сразу оно стало очередным термином фарцовщиков и уже приклеивалось каждому, кто

работал честно, пусть и по буржуазному образцу.

Вскоре лох стал тем, кого просто невозможно не обмануть, не кинуть. Теперь лохами крестят направо и налево, не думая, что именно тот лох из Ленинградской области выиграл. Фермер, нэпман, лавочник выжил, несмотря на все невзгоды. А центровые как явление приказали долго жить.

В этой связи старая прибаутка жуликов – «Лох не мамонт – не вымрет» – перевернута с ног на голову.

БАРЫГА

На Невском мало кто работал «вчестную». И причина тому – законодательство СССР. Мошенничество наказывалось куда менее строго, чем спекуляция, а тем более скупка валюты. Так, за ломку денег (обман при пересчете) на Невском получали по три года «химии», как сейчас бы сказали – исправработ, а за валюту можно было схлопотать и все восемь реальных. А докажут системную скупку – так пожалуйте к стенке. Такое отношение власти к честному подпольному труженику породило у центровых презрение к сделке. Зачем скупать 100 долларов за 300 рублей, чтобы продать максимум за 315, когда можно «сунуть куклу» (вместо денег подсунуть нарезанную бумагу). Риска в разы меньше, маржи больше. Вот большинство и нырнуло в кражи, мошенничество и банальный ночной разбой. А тех, кто оставался на позиции честной скупки, называли презрительно, абсолютно в

эстетике лагерных плевков – барыгами.

Вот опять отсылка к социально близким. Мошенник – это жулье вагонное, его еще можно перековать, а спекулянт – это затаившийся капиталист, классовый враг. Его только в расход.

Барыгой стал тот, кто перепродавал и соблюдал договоренности с клиентом. Тот, кто начинал порождать в стране мировоззрение, в котором клиент всегда прав.

Все остальные с улюлюканьем ломали, всовывали, воровали. Милиция тоже мысленно была на стороне жуликов, несмотря на то, что именно они портили ей отчетность, а городу имидж. Иностранцы жаловались, разносили неприятную славу по западной прессе. И все равно мошенник считался «своим».

ТУЗ, КОРОЛЬ – ВОТ НАШ ПАРОЛЬ

Катран – небольшая черноморская акула, весом примерно в 15 килограммов. Для человека катран не опасен. В сленг слово «катран» вошло как название подпольного игорного дома.

Катран – маленькое казино для своих, с одной лишь разницей: если в современных казино жульничество практически невозможно, то на катранах в отношении «случайных» посетителей оно было нормой развлечения.

Вероятно, термин пришел из городов Поты, Гагры, Кута-

иси, где с 70-х годов стало модно быть мошенником. Именно оттуда в Москву и в Ленинград приезжали самые яркие шулеры, те, кто шпилит в карты, — их называли *каталами*. К таким всегда прилипала шутка: «В картишки? — Да нет, братишка!»

В Ленинграде существовало три центровых катрана, известны они были узкому кругу людей:

- «У Сельского» — в доме за гостиницей «Европейская»; Невский пр., дом 32–34;
- «на Казначейской» — ул. Казначейская, дом 3;
- «на Чековом» — рядом с домом на набережной Макарова, где находился магазин «Внешпосылторг» — 2-я линия, дом 59.

Со своими на катранах, как правило, играли честно. Более того, в статьяx дохода от катрана не было позиции «входная плата». Пускали лишь тех, кого знали лично. Зарабатывали с игры, с куража: каждый выигравший считал своим долгом откидывать в сторону хозяина щедрые чаевые. Кроме того, хозяин зарабатывал на спиртном и еде, которую готовили для гостей. Играли в основном в *буру*; реже — в покер, терц, деберц (родина терца — тюрьма, деберца — еврейские кварталы Одессы).

Язык шулеров был густой, сбивающий с ног. Карты являлись формой дуэли. За столом сходились не от скуки, а для азарта. Главное было не урвать деньги, а до выигрыша ощущать себя хозяином положения. Гений момента в том, когда

противник не может предположить, что карты его биты, как у Германна в «Пиковой даме». И вдруг у противника свет гаснет. И надменность переходит в испуг.

На катраны заводили доверчивых и с наличкой. Их подыскивали в аэропортах и крупных универмагах из числа тех, кто хотел прикупить дефицит. Когда заходил такой клиент, то всех предупреждали, чтобы не спугнули его сленгом и манерами – чтобы не «сел на измену». С одураченного простака хозяину платили дополнительно.

Главный катран, естественно, был рядом с «Европейской» – квартира о четырех комнатах на последнем этаже, обставленная антикварной мебелью. Здесь иногда играли на десятки тысяч, не выходя из комнаты по несколько дней. Катран держал сам Сельский, или Колхозник, – жулик старого образца Сергей Кужлев, 1938 года рождения, засиженный, из евреев-блатарей сталинской закваски. Ему помогала его падчерица Лера, дочь другого известного жулика. Сюда приходили сливки ленинградского преступного сообщества. Уже тогда от них пахло не одеколоном, а парфюмом. Заходили и воры в законе, и торгаши, даже ответственные советские работники. Катран «У Сельского» до заката советской власти не дотянул.

В 1981 году в этой квартире произошло убийство. Сельский зарезал одного авторитетного – Бурыкина. Просто ссора переросла в те оскорбления, которые Сельский снести не смог. Он был арестован в тот же день. Еще несколько лет Ле-

ра умело вела дела, пока не скололась. Катран превратился в наркобордель, и в 1985 году милиция была вынуждена его прихлопнуть.

В том же дворе, что и катран Сельского, находилось помещение ОКОД (оперативной комсомольской дружины), куда каждый день комсомольцы таскали фарцовщиков.

«На Казначейской» собирались юркие фарцовщики, еще не ставшие тяжеловесами Невской перспективы. Сюда заходили скорее «провести время», развлечься, чем играть по-крупному. Держал его Саша Иванов по прозвищу Свин, полученному после того, как он проиграл огромную сумму в карточную игру «Свинья». «На Казначейскую» заходили с девушками, что было запрещено на других катранах. Когда надоедали карты, шли играть на бильярде в подростковый клуб «Дзержинец» на переулке Гривцова. Там за народные деньги трудновоспитуемым юнцам додумались купить два бильярдных стола. К подросткам были прикреплены сержант Адмиралтейского РУВД Володя Кутаев и опер Николай Николаевич. Они и принимали гостей с катрана за умеренную входную плату, которая впоследствии позволила сержанту Кутаеву приобрести автомобиль ВАЗ 21013.

На «Чековом» катране, как и следует из его названия, играли ломщики из магазина «Внешпосылторг», до входа в который тут было всего-навсего шагов тридцать.

Катраны себя изжили со всеобщим падением запретов и появлением казино. Крови там не было. Если немножко по-

иронизировать, то это Германн в «Пиковой даме» разошелся: «Старая ведьма, так я заставлю тебя отвечать!»

Сумасшедшие деньги при Брежнев

Сергей МЕДВЕДЕВ, Лютий

Невский проспект был оболочкой, сочно шуриющим фантиком. Истинный подпольный мир мало кто видел, органы в том числе. Вернее, не понимали его масштабов. Настоящие валютчики собирались в ресторанчике «Чайка» на канале Грибоедова, но не для сделок – дураков не было, а чтобы переговорить. Бешеное было местечко. Чтобы понятен был размах, расскажу. В начале 70-х делец с Васильевского по имени Алик Кочерга проиграл в карты полтора миллиона, и, чтобы не убили, он взял их в долг у человека из «Чайки». Налом. Не припомню уже, у кого. А отдавать-то надо, так он сколотил банду и орудовал. В его гоп-компании был и мясник с Малого проспекта Васильевского, рыжий такой, интеллигентный. Они налетали на квартиры антикварищиков, спекулянтов. Кочерга отдал 700 тысяч, потом их взяли, и ему отмерили 15 лет.

Деньги наживали сумасшедшие. Например, паролодная схема: мы давали первому помощнику польского судна «Мазовша» 10 тысяч долларов. Он привозил джинсы по 12 долларов, а брал их там по 6. Нам джинсы обходились в 25 рублей, а раскидывали мы их уже по 130–150. За неделю – две тысячи сорок долларов наживы. Это как сегодня миллион долларов.

А тратить некуда. Или плащи «болонья» – можно было выменять у финна за пару бутылок водки, а мгновенно продать рублей за 300.

Играли на катранах до одурения. Тогда козырный катран был у кинотеатра «Ленинград» у Додика. Дурдом как-то жену проиграл, а еще приличный мальчик, в музыкальной школе учился.

Где валюта, там и хозяйственники. На Рубинштейна, 9, жил Дризин такой – знаменитый трикотажник. Мы с ним дела водили, ему потом лет 12 отмерили. Его дочь потом за Иосифа Кобзона вышла, а мама ее красавица, из венгерских евреек, работала барменом в ресторане «Москва», как раз над кафе, которое «Сайгоном» у диссидентов именовалось. Воровали эти с размахом: с завода Козицкого уходило враз по 50 неучтенных телевизоров – они шли в Прибалтику. С фабрики Веры Слуцкой – по 50 тысяч метров тюля – они исчезали в Средней Азии.

А гуляли с ними в одних местах, ну там на трассе в ресторане «Олень». Таксисту сотку на торпеду, и он весь день тебя возит. В то же время по центру шатался Чернокушник, скупая все на своем пути, а его мать возле улицы Желябова всегда сгорбленная нищенкой притворялась, грязная, вонючая. А фарцовщикам давала деньги под дикие проценты – половина от суммы в день. Семейка еще та. И ухарей было хоть отбавляй – виртуоз-ломищик Удав, он после с ума сошел. Распылитель, все деньги на баб тративший. Микимото, укативший

в 1972 году в Швецию, открывший там салон монгольского массажа и выдворенный из страны за воровство денег из карманов клиентов, пока его хлопцы окучивали богатых дамочек.

В конце 60-х на Невском появился и Феоктистов, и уже в окружении боксеров Барышева, Цветкова и примкнувших к ним Циклопа с Нахаленком. Они также промышляли плащами, но и пытались приставать к центровым. А тогда это было хлопотно. Все же дети послевоенной разрухи, к ножам, к оружию, к зуботычинам привыкли. Я вообще очень драчливый был, поэтому и звали Лютый. Это потом, в 80-е, валютчики смирные пошли, лишь бы откупиться, а тогда завалили бы – и вся недолга.

Так вот Фека начал докапываться до моего дольщика. Дело было на улице Герцена в ресторане «Адмиралтейский». Кричит, мол, у него носовой платок пропал. Это он так шутил. Я его позвал в сторону и в туалете бритву к горлу. Железа все боятся. В дверь ломятся Рей с его людьми, а я нашептываю: «Володя, скажи им отдохнуть, а то у меня рука может дрогнуть». Помирились.

А город еще маленький был, как коммунальная квартира. Сережа Довлатов показывался среди нас, но особо не промышлял, больше на халяву пил с нами – у него денег никогда не было. Рано женился, все задумчивый бродил. С Бродским на скамеечке как-то бухали. Он нас затащил на какие-то чтения Ахматовой на Большую Зеленину, но она меня не

вдохновила. Я дальше стихов Заболоцкого не пошел. Помню, Бродский по какой-то Марго безответно все страдал, но мы его не поддерживали.

Потом баскетболисты со «Спартака» валютку скупали, и Саша Белов, конечно. Хоккеисты СКА тоже. Волейболисты «Автомобилиста». Все же за границу ездили, оттуда видики, имотки перли.

Блатные тогда не лезли в наши дела. Только на катранах имели вес. Тоже не понимали уровня сделок. А жулики были отменные. Яша Друкер, например. Он глухонемыми верховодил. Их немцами звали. В ресторане раз сидим, он мне 500 рублей отдает.

– За что?

Показывает, мол, вынул из кармана брюк у меня и смеется. И шпана в центр не совалась.

А спортсменами и не пахло. Быки появились уже после Брежнева.

ОЦЕНКА. МОИМИ ГЛАЗАМИ

Государство же пока подкармливало своих легионеров. Для них существовали специальные повышенные стипендии, им выдавались талоны на дополнительное питание, их одевали в дефицитные шерстяные костюмы, а большинство просто подвешивали на хорошо оплачиваемых должностях. Не говоря уже о статусе. Чемпионы становились звездами, народными любимцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.